

И.А. Широких

Перводной текст в аспекте учения о первичности/вторичности текста

Проблема первичности/вторичности текста так или иначе заявлена уже в работах М.М. Бахтина о первичных/вторичных речевых жанрах. Различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) жанрами чрезвычайно велико и принципиально. «Вторичные речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т.п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [1, с. 239]. Первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются и приобретают особый характер. Под деривационным потенциалом текста понимается его способность вступать в отношения производности с другими текстами. Предметом деривационной текстологии является «текст – его особые отношения с другими текстами, с которыми он находится в отношениях первичности/вторичности, простоты/сложности» [2, с. 7].

Вторичные тексты попадали в поле зрения исследователей, однако переводной текст как производный нечасто становился объектом исследования лингвистов. В данной работе содержится попытка осуществить применение идей деривационной текстологии к теории перевода, когда переводной текст рассматривается как дериват исходного. Понятие «деривация» при таком подходе используется в его самом широком смысле – как образование текста от текста: конечной собственно языковой целью деривации служит построение текста. Отсюда вытекает, что деривационная грамматика – это текстообразующая грамматика. «Перводной текст является производным от исходного текста: он создается на основе определенных характеристик текста оригинала и воспроизводит их средствами иного языка в условиях иной культуры» [3, с. 24]. Иначе говоря, текст на переводящем языке вторичен по отношению к тексту на иностранном языке, и, как известно, языковое содержание оригинала практически никогда не воссоздается в переводе в полном объеме, и добиться здесь тождества невозможно.

Деривационная теория, рассматривающая текст в динамическом аспекте, имеет непосредственные

точки соприкосновения с основными положениями теории перевода. Процесс перевода, как и деривация, не наблюдаем, он полностью протекает в сознании коммуникантов, поэтому о ходе этих процессов мы можем судить на основе косвенных данных, т.е. сопоставления дериванта и деривата, текстов на иностранном и переводящем языках. Поскольку в порождении и восприятии речи определяющим признается принцип деривации, применение этого принципа при описании процесса перевода позволяет показать особенности деривации в двуязычной коммуникации, которые заключаются в том, что текст перевода создается в результате двух последовательных этапов: восприятия исходного текста и образования текста перевода. Иностраный текст является одновременно и результатом процесса кодирования, и началом процесса декодирования, а «перевод и деривация оказываются на пересечении статики и динамики: в статике текста они ищут его динамику, и эту динамику они превращают в статику вновь продуцированного текста» [4, с. 26].

Деривационный механизм предполагает известное тождество исходного материала (предложения А) и конечного продукта деривации (предложения В). Л.Н. Мурзин утверждает, что «на основе деривационной истории предложения ИЯ переводчик строит гипотезу или ряд гипотез, которые, по существу, являются моделями деривационного процесса в данном языке, и отождествляет модели с детерминистскими и статико-вероятностными законами переводящего языка» [5, с. 47]. Переводчик – это рецептор ИЯ, одинаково владеющий языками оригинала и перевода, т.е. билингв. Его восприятие отличается тем, что оно определяется специальными переводческими знаниями и умением установить соответствия между текстами на разных языках. Языковое сознание переводчика как сознание, обладающее высокой лингвистической культурой и чувством формы, будет стремиться к отражению при переводе всех значимых единиц. И субъективность перевода не становится препятствием для объективного научного анализа, подобно тому, как субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе языка.

Деятельность переводчика в процессе перевода можно разделить на три группы операций: замена языковых единиц текста на исходном языке эквивалентными единицами другого языка, различные

семантические преобразования, связанные с языковыми единицами, которые таких эквивалентов не имеют, формирование и оформление текста на языке перевода [6, с. 234]. Две последние группы операций позволяют рассматривать перевод как процесс семантико-синтаксической межъязыковой деривации исходного текста, при которой переводчик может выбирать различные стратегии в зависимости от конкретных целей и условий деятельности. При этом репродуктивно-репрезентативный аспект деривационной деятельности переводчика носит «заданный» (оригинальным сообщением) характер. Перевод – это новая трактовка, новое воплощение оригинала. Отсюда право переводчика на достаточно свободную интерпретацию последнего. Право, ограничиваемое тем не менее необходимостью адекватно воспроизвести художественно-эстетические функции подлинника.

Согласно общеизвестной схеме двуязычной коммуникации перевод предстает как процесс, состоящий из двух последовательных коммуникативных актов. Первый этап этого процесса заключается в осуществлении коммуникации между отправителем, источником сообщения на иностранном языке, и переводчиком, рецептором сообщения, второй – между переводчиком, источником сообщения на переводящем языке, и получателем перевода. Таким образом, при переводе на роль еще одного интерпретатора текста помимо отправителя и адресата претендует третий участник коммуникативного акта, осуществляющий контакт между ними, – переводчик. Именно поэтому переводчика можно назвать «актантом» текста наряду с его автором и адресатом. В данном случае о деятельности переводчика при осмыслении иноязычного текста можно говорить как о процессе встречного порождения «своего», неповторимого текста – «текста интерпретации». В ряде современных концепций перевода (Г.В. Ейгер, О. Каде) переводчик рассматривается как создатель текста на ПЯ – *Texter* или *Textproduzent*.

Мы используем результаты речевой деятельности носителей языка как реальную данность, предоставляющую объективный материал для собственно

лингвистических исследований. При этом мы обращаемся к языковому сознанию, языковому «чутью» переводчика как первого реципиента исходного текста. «Чутье» языка, по И.А. Бодуэну де Куртене, «не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт действительный и вполне объективный» [7, с. 22]. Область изучения пересечения формы и содержания, «рельеф» и объем этой области имеют индивидуальные особенности для каждой языковой единицы, каждого языкового явления, каждого языка и универсальные черты, присущие этим единицам, явлениям, языкам. Но индивидуальное и универсальное есть и у функционирования, реализации того или иного явления в тексте, в отношении к нему носителей языка, особенно тех, языковое сознание которых в силу объективных и субъективных причин более восприимчиво, т.е. переводчиков. Это позволяет использовать «компетенцию двуязычного индивида как критерий эквивалентности межъязыковых отношений».

Итак, мы приходим к выводу о том, что вторичные тексты – это своеобразные «кодовые трансформации», в основе которых заложен субъективный момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько статистико-вероятностный характер. При этом рассматриваем отношения между исходным и переводным текстами как объективно существующую реальную данность, но и в самой объективности заложен субъективный фактор, лежащий в основе деятельности переводчика. Что касается степени эвристической активности переводчика, представляется возможным утверждать, что она в большей мере зависит от наличия у него знаний по специальности и опыта переводческой деятельности и в меньшей степени от такого лингвистического фактора, как влияние структурных характеристик исследуемой единицы и контекста. Оптимальным вариантом переводного (вторичного) текста при такой трактовке становится функционально-стилистический сдвиг, цель которого – адекватная передача характера оригинала в условиях другой языковой системы.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
2. Чувакин А.А. К проблематике деривационной текстологии / А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. – Барнаул, 2000.
3. Латышев Л.К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М., 1981.
4. Пинягин Ю.Н. Деривационная теория и перевод //

Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). – Пермь, 1988.

5. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. – Пермь, 1974.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 2001.
7. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 2.